

Весенний квест для пиратов-огородников

Радует меня нынче погода! Не припомню я при своей жизни такого жаркого мая. Наполненный разнотравьем, жужжанием обрадованных ранней весной насекомых и всеми оттенками зелёного он дарит мне тёплые светлые ночи. Я распахиваю окно, и комнату наполняет не то тихое шипение, не то шёпот – звук воды, разрезаемой носом корабля, и постанывание «дизеля», будто он дрожит от весеннего речного холода. Значит сухогруз или "толкач" из-за поворота и будет шипеть и постанывать так, пока не скроется за следующим речным поворотом, а это часа два-три ходу. Звуки ночной реки для меня лучше всяких новомодных мелодий для релаксации. Ночь разносит их на многие километры по округе. И я плыву вместе с кораблем мимо спящих деревень, мимо притихших лугов, готовых умыться росой, и нам перемигиваются бакены, указывая верный путь. Но, в то же время, я тут, в своей комнате в родительском доме, крепко обосновавшемся на высоком берегу реки, за несколько сотен километров от шумного города. Я на последнем курсе геологического и приехала домой на выходные. И, конечно же, не сплю. Как вообще можно спать, когда такая прекрасная погода и хочется наслаждаться майским теплом и светлыми ночами! Рядом со мной горит старенькая настольная лампа, её тусклого света хватает, чтобы осветить мой письменный стол, доставшийся ещё от бабушки. Остальная комната в полумраке. Вокруг лампочки жужжит муха, такая же, как и я полуночница. Я сижу и грызу карандаш. Карандаш – мой лучший друг. Никогда не подводит в самый ответственный момент, как ручка. К тому же, если написал чепуху какую, стереть можно и снова писать, а это, как-никак, экономия бумаги. Но экономить мне сейчас особо нечего, так как передо мной практически чистый лист с двумя предложениями: "Корвет, то задирает нос вверх, готовый ринуться навстречу буре и разорвать бушпритом лохматые черные тучи, то снова срывался с гребня волны и исчезал в бушующей пучине. Капитан пытливым взором окинул ревущие морские просторы..." Вообще-то, по правде говоря, не мешало бы, наконец, дипломом заняться, но как-то не до диплома мне в такую замечательную ночь. Гораздо больше меня интересует вопрос: как зовут моего капитана? Сколько бы красивых пиратских имен я не перебирала в уме, за мной неотступно следовал Джек-Воробей. Но не может же мой капитан быть Джеком-Воробьем, потому что Джека-Воробья придумала не я. Капитан Крюк? Тоже было. Одноглазый Джо? Нет. Но почему же он одноглазый? Вот он стоит на мостике, одной рукой держась за штурвал, а другой за снасти. Я вижу его ястребиный профиль, выгоревшие белесые волосы, выбивающиеся из-под банданы. От испепеляющего взгляда его чёрно-угольных глаз не ускользает ни одна мелочь...

И вдруг в тишине спящего дома, когда передо мной витала тень пирата с Карибов, удивительно похожего на Джонни Деппа, кто-то громко чихнул. Я вздрогнула и оглянулась. Никого. Только муха сидела на краю абажура лампы и чистила лапками крылышки. Может Маська? «Кис-кис-кис», - позвала я, но ни Маськи, ни её котёнка в комнате не было. А ведь только что нежились на моей кровати. В кухне, куда выходила дверь моей комнаты, послышалась возня. Мне показалось, что шум доносится из печи. Кто же это может быть? Мышь? Но тут чих раздался в третий раз, и я явственно услышала приглушенное ворчание:

- Печку топим, топим, а почистить-то и некому...

Ворчание доносилось откуда-то изнутри печи, и это было очень странно. Мне стало не по себе. Я взяла со стола телефон, включила фонарик и стала на цыпочках подкрадываться в полутемную кухню, спрятав фонарик за спину, чтобы не спугнуть вора или кого там ещё. Заглянув в кухню, я увидела в печке огонек за дверцей, которая прикрывала вьюшку¹ на дымоходе. Что это значит, и кто же мог туда поместиться? Я направила фонарик и открыла дверцу.

В печной трубе² на чугунной пластинке сидел маленький чумазый человечек, рядом с ним горела крохотная свечка, в руках он держал старую обувную щётку и счищал

ей сажу на стенках дымохода. От неожиданности он замер и испуганно зашептал, закрывая лицо руками:

- Это кто тут светит?

Я взвизгнула и выронила телефон из рук:

- Ай! Кто это! – я ринулась назад и спряталась за дверным косяком.

Человечек выглянул из-за дверцы и ахнул:

- Ах-ха! Это ты! Не спишь! Опять с лампой этой сидишь! А я и не почуял. Добры люди уж скоро вставать будут, работу работать, а она все с лампой сидит! Басни пишет!

Тут я поняла, что передо мной не кто-нибудь, а самый настоящий домовый! Я в ужасе закрыла лицо руками и хрипло зашептала:

- Ой, к худу иль к добру?

- К какому уж тут добру! Так глупо попался! Что ж делать-то теперь! Ай-ай!

Я осторожно приоткрыла глаза. Он почесал затылок, сдвинув шапку, стремительно выпрыгнул из дымохода, прижимая щётку к груди, и скрылся где-то за печкой. Свечка осталась гореть на вьюшке.

- Эй! Эй! – после секундной слабости, я взяла себя в руки и решила снова выйти в кухню. Шанс встретиться с живым домовым нечасто выпадает!

- Ты куда? Ку-зя? Кузенька? – я подняла телефон всё ещё дрожащей рукой и посветила в печурку³, где мы зимой сушим всякие мелкие вещи типа шерстяных носков и рукавиц, и где спрятался человечек.

- Какой я тебе Кузенька? – свечка в трубе погасла. - Дедушко-суседушко я! – послышалась где-то в горниле печки.

- Какой же ты дедудшко? Ты молодой совсем, – я посветила фонариком в дымоход.

- Много ты понимаешь! – послышалось недовольное ворчание.

- А я читала, что домовые лохматые, с длинной бородой и с коготками, а ты такой красивый. Можно на тебя посмотреть? – совершенно невозможно было предугадать, где он окажется в следующий момент.

- Тот, кто не броеется – тот и лохматый. А у нас, домовых, чем старше, тем красивши, - в печке снова послышалась возня, вздыхания, а потом из-под печки, там где хранятся дрова⁴, вылез человечек, отряхнулся и подбоченился, - ну смотри, что ли, что уж теперь прятаться.

Я осветила его фонариком. Ростом домовёнок едва доходил до моей коленки. На голове у него была шапка, отороченная мехом, синие шёлковые шаровары, заправленные в сапожки с загнутыми носами, поверх рубашки был накинута красная зипун. Он вовсе не был похож на старика. Вполне симпатичный, сбитый, ладный молодой паренек, если бы не тонкая шёрстка, покрывающая лицо и руки. Он поправил тугой кушак и сказал:

- Все. Я пошел. А ты спи давай. Петухи уж всю горланят, а ты все-то тут торчишь! Потом до обеда дрыхнуть будешь. Тоже мне хозяйка! – надо сказать, ворчливый он был действительно, как старый дед.

Он снова полез под печку.

- Подожди, - я попыталась поймать его за ногу, боясь, что он исчезнет, а мне так много хотелось спросить у него.

- Чего ещё! – брыкнулся он.

- Как ты там живёшь один, под печкой? И почему мы тебя никогда не видели?

- А что видеть? Смотри да и всё!

И тут пространство передо мной расширилось. Или это я стала маленькой и оказалась в укромном уголке домового под печкой. На столике, сооруженном из обрезков дощечек, горела свечка, сбоку была постелька, собранная из всевозможных кусочков ткани, ниток и старым куском тюля. В противоположном углу лежала гора носков разного цвета и размера, но ни одного парного, а также несколько аккуратно сложенных носовых платков.

- Ах, вот куда они деваются, - обрадовалась я, протянув к ним руку.

Домовой закрыл тряпье грудью:

- Куда? Моё это!

Тут я увидела под носками свою заколку, потерянную чуть ли не год назад:

- А это-то моё, - сказала я, - зачем тебе моя заколка?

- Пусть будет. В хозяйстве всё пригодиться. Сухаря хошь?- он достал из кармана сухарик и протянул мне. – Голодна небось, всю ночь-то за баснями сидеть.

- Это не басни тебе, а авантюрно-приключенческие романы, - обиделась я.

- Пади ж ты кака важна! Лучше бы лопату взяла, да огород перекопала, пока погода стоит! – он достал из кармана ещё один сухарь и отправил себе в рот.

- Вот ещё бы я лопатой копала. А мотоблок на что?

- Всё бы вам мотоблок, комбайн, мультиварка, «болгарка» - ничего сами не хотите делать! Окна, вон, эти пластиковые поставили: так и не поймёшь тепло или холодно.

Бывало Морозушко как дыхнет, все окна застынут, так сразу понятно – дома сиди, дровишек в печку подкинь.

- Какой ты смешной, дедушко-суседушко, ведь двадцать первый век на дворе – прогресс! – возразила ему я.

- Прогресс, прогресс, а сама все про пиратов каких-то пишешь. Их нет давно уже.

- А вот и есть до сих пор.

- Это самолийские голодранцы что ли?

- Откуда ты про них знаешь?

- А я по-твоему телек не смотрю!

- Ну вот, а прогресс ругаешь, - засмеялась я. – Жалко, что они не романтичные какие-то. Сокровища не ищут больше. Да и сокровищ настоящих уже нет.

- С чего это ты взяла?

- Ну как же, все нашли давным-давно.

- Ты вот по городам всяким ездешь. Вчерашний день ищешь, а что в хозяйстве у тебя не знаешь! Айда со мной! – он махнул рукой.

Пространство снова изменилось, и мы мигом очутились в нашем приусадебном огороде. Домовой резво семенил крохотными ножками впереди меня, держа в руках маленькую лопатку. Я приобрела свой нормальный рост, но еле поспевала за ним. И хотя по часам было ранее утро, но почему-то было очень темно, хоть глаз коли. Мы шли к дальнему углу огорода там, где рос раскидистый куст бузины, которую облюбовал соловей и каждый вечер радовал нас сольным выступлением. Сейчас соловей молчал, и вообще над землёй стояла звенящая тишина.

Домовой подошел к кусту, огляделся:

- Глянь, не видит ли нас кто?

Я увидела чуть дальше на заборе две пары горящих огоньков – Маська с Барсиком.

- Кошки, - ответила я домовому.

- Это свои. Им можно, они стерегут, - сказал суседка и стукнул лопаткой о землю.

Тут же образовалась ямка. Домовой спрыгнул в неё и достал небольшой мешочек:

- Гляди что, - протянул он его мне.

Мешочек был кожаный, старый, потертый, украшенный бронзовыми, потемневшими бляшками, перетянутый полуистлевшими ремешками. Я развязала его и ахнула. Мешочек был полон драгоценными украшениями: золотыми, серебряными, с камнями и без, браслетами и сережками, кольцами и цепочками. Некоторые из них были старые, потемневшие, щербатые от потерянных камней. Другие всё ещё сохранили свой лоск и блеск. Между украшениями позвякивали монеты.

- Откуда это?! – еле выговорила я.

- Чья потеря, моя находка, - как всегда проворчал домовой не без самодовольства в голосе.

Я перекладывала их в руках, рассматривала, и по мере этого пространство вокруг меня снова менялось. Я увидела крепкого молодого парня с топором в руках, он

оттесывает брёвна для новенького сруба. Вокруг ещё несколько таких же строящихся домов. Местность знакома и в то же время совсем другая. Нет нашего огорода, длинной извилистой улицы. Наша деревня только-только строится. Работа кипит дружно и спорно. **Парень залихватски машет топором, заломив набок шапку.** Его лицо молодо, свежо и очень кого-то мне напоминает. Он настолько лихо работает, что не замечает, как серебряное колечко слетает у него с правой руки, и вот уже я держу колечко на своей ладони. Я кладу его обратно в мешочек и достаю жемчужные серёжки. Несколько мелких жемчужин выпало, застежки потемнели от времени, но они тёплые на ощупь и чуть светятся в темноте. Я снова вижу того же парня, но уже возмужавшего. Он крутит на руках маленькую смеющуюся девчушку, и вот эта же девчушка повзрослевшая примеряет перед зеркалом жемчужные серёжки и снова смеётся. А вот она же в платке, рано постаревшая, усталая, но так счастливо улыбающаяся, примеряет эти же серёжки своей дочке. А та в свадебном платье, счастливая, довольная. Она крутится перед зеркалом, и я с удивлением понимаю, что она, как две капли, похожа на меня. Или я на неё.

Череда лиц и событий пронесется передо мной круговоротом. Я вижу, как меняется наш дом. Вот он новый, пахнущим смолой, разрастается пристройками, а потом вдруг оседает, ветшает и превращается в кособокую избушку, заросшую бурьяном. И вдруг снова возрождается, обрастает камнем, кирпичом, приобретает привычный вид. Я вижу людей, которые жили задолго до меня и не так давно, вижу их горести и радости. Некоторые лица будто были мне знакомы. Других я видела впервые, но от каждого в мешочке оказалась какая-нибудь вещица – частица их души. То, к чему они прикасались, на что смотрели, радуясь или печальясь, их глаза. И теперь я могла, прикасаясь к сокровищам, видеть то, что видели они и чувствовать то, что чувствовали их сердца.

Видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Я смотрела на сокровища в своих ладонях не в силах сказать хоть слово:

- Так может... - я пыталась привести свои мысли в порядок, - стоило вернуть потерянные вещи хозяевам? – спросила я домового.

- Это ещё зачем! Какой же ты хозяин, если добро своё уберечь не можешь, вещицу к вещице не складываешь? Хозяйство вести – не бородой трясти! Один, один у меня толковый Прошенька был – хозяин мой первый, - он любовно погладил колечко. – Зёрнышко к зёрнышку собирал.

Тут только я поняла, что лицо молодого парня, моего далёкого предка, напоминало мне личико самого домового! Кто мне этот парень – прапрадед или ещё дальше. И неужели такой красивый молодой человек был таким же ворчуном, заумным занудой, как наш соседка. Ведь ворчит и ворчит! Совсем... совсем как... я, когда мне что-то не нравится. Это мысль так поразила меня, что я вздрогнула, а домовый как-то лукаво глянул на меня и продолжил:

- А вы? Чем дальше, тем бестолковее. В облаках всё летаете, на заморские диковины надеетесь, а своё не бережёте, не цените. Вот ты, заколку где потеряла? И не знаш и не помнишь, как пришла она к тебе, так и ушла. А всё потому, что порядку в вас нет, и память короткая. У меня-то оно надёжней будет! - домовый снова хлопнул лопаткой по земле, яма исчезла, а я проснулась...

Солнце светило в окна моей комнаты – значит время к обеду. В палисаднике за окном ворчали куры, муха жужжала, ползая по стеклу, лампа по прежнему горела на столе, на тетрадном листе не прибавилось ни одного предложения. Я лежала в своей постели, но когда я легла спать, абсолютно не помнила. Я посмотрела на свои руки, на ноги: чистые, никаких признаков, что ночью я бродила по огороду. Я встала и потопала в кухню. В доме никого не было. Очевидно, что родители давным-давно позавтракали и занялись хозяйственными делами. Я заглянула под печку – там никакого пространства, кроме выемки для хранения дров, собственно, вообще не было. Между печкой и стенкой тоже никакого пространства. Очень жаль, что клад, наследство моих предков, всего лишь

сон. Переодевшись и умывшись, я вышла во двор и обомлела. По нашему огороду ходил сосед Витька с металлоискателем и как раз около бузины!

- Ты что там делаешь?! – крикнула я.

Витька оглянулся:

- Я? Так это, трубу ищу.

- Какую ещё трубу?!

- Ну, от старого водопровода. Помнишь?

- Чё она помнит-то? Её ещё не было, когда тот водопровод был, - подал свой голос папа из гаража.

Ворота гаража были открыты, он копался в движке мини-трактора, вокруг на засаленных тряпках валялись запчасти и инструменты.

Металлоискатель Витьки запищал аккуратно под бузиной.

- О, тут, однако, - Витька направился к приставленной к забору лопате.

Моё сердце неприятно ёкнуло, я взяла из кладовки лопату себе и направилась в огород.

- Дай-ка тут я сама! – крикнула я начавшему копать Витьке.

- А чё это? – выпрямился он.

- Да я сама тут покопаю.

- Да ладно, иди отдыхай.

- Нет, я сама.

- Да ладно!

- Давай я!

- Нет я!

Витька схватился за мою лопату и взгляды наши встретились. Я смотрела в его прозрачные, водянистые глаза с белесыми ресницами и понимала, что Витька сейчас для меня не просто сосед, а опасный конкурент.

Витька жил тем, что добывал «полезные ископаемые», как он сам это называл. Он ходил по округе с металлоискателем и выворачивал из земли похороненное временем богатство преуспевающего совхоза, получив за тягу к железу прозвище Чебуратор. Хотя по мне Витька больше был похож на гномика – маленький, сутулый, с аккуратными, почти детскими ручками и ножками, во всесезонной панаме защитного цвета. Он жил у нас в соседях, был нрава незлобного, тихого, никому никогда не отказывал в помощи по хозяйству и, вопреки бытовавшему о нем в деревне мнению, почти не пил. Но однажды, будучи навеселе по случаю какого-то праздника, сидя на лавочке возле нашего дома под раскидистой яблоней, именно мне он раскрыл свою главную тайну. Мне, потому что, благодаря папе, Витька знал, что я пишу «про каких-то там пиратов и сокровища». Так вот, оказывается, вся эта деятельность с металлоискателем, все это - антураж. На самом деле Витька ищет клад. Золотую карету. Есть у нас такая местная легенда: якобы у нашего помещика была карета из чистого золота и во время революции он, пред тем, как сбежать за границу, закопал эту самую карету где-то недалеко, рассчитывая вскоре вернуться. Я, конечно, в легенде не вижу никакой логики: как можно закопать целую карету незаметно. На что Витька-Чебуратор посмеялся и сказал, что, в принципе, я мыслю в верном направлении. Закапывать целую карету нелогично. Её разобрали по частям, и каждую часть закопали отдельно. И он провел собственное расследование, и составил карту с предположительными координатами сокровищ, но, видимо, пока неточную.

И вот теперь это профессиональный кладоискатель стоит напротив меня и смотрит мне прямо в сердце, прямо в душу!

- Что там? – вкрадчиво и членораздельно спросил Витька, нахмутив густые, но совершенно белые брови.

- Так. Ничего особенного, - тихо ответила я и опустила глаза.

- Вместе давай копать, - отчеканил Витька.

Мы начали копать вокруг куста бузины. Несколько раз лопата Витьки натыкалась на старую трубу.

- А точно здесь? – периодически спрашивал Витька, и только мы двое знали, о чем это он.

- Точнее не бывает.

И тут из-под Витькиной лопаты выскочила монета, покрытая слоями грязи, неправильной формы, словно обгрызенная по краям. Витька стер верхний слой грязи перочинным ножиком, и на монете проступил екатерининский вензель. Витька одобрительно хмыкнул, сунул монетку в карман и спросил:

- Так точно тут?

Перед бузиной был перекопан приличный пятак, а я осмотрелась и тут с ужасом поняла, что я не могу точно сказать место. Я помню куст бузины, но кошки сидели чуть подалее на заборе, а я рассматривала ценности ещё дальше.

- Где-то тут, - я неопределенно махнула рукой вдоль забора.

- Уходят они глубже, когда начинаш рыть. Надо поболее площадь взять, - со знанием дела сказал Витька

Мы снова принялись копать.

- Сальник полетел! В район ехать надо! - крикнул нам папа, стоя у входа в огород и вытирая испачканные руки. Он удивленно посмотрел на нас. – Ну, вы можете пока копать, раз так хочется.

Мы рыли ожесточенно, яростно, не замечая, что разгулявшееся весеннее солнышко нещадно палит нам спины, ещё недостаточно разогретая земля тверда и непослушна, а мама раз десять звала нас на обед. Очнулись мы, когда солнце уже уходило за горизонт, воздух стал влажным, земля холодной. На свет божий были извлечены: куча керамических черепков, чугунок, гора всевозможных костей животных, куски проволоки, несколько лезвий ножей, один ржавый топор и моя потерянная заколка.

- Смотри-ка, - говорила мама папе, вернувшемуся с запчастями из района. – И твоя тархтелка не нужна, ребята всё перекопали за день.

- Они с утра у куста бузины тёрлись, надышались они ей что ли? – рассуждал папа, ошарашено глядя на результаты нашей работы.

Мы сидели в огороде на поваленной чурочке. Саднило спину, ноги гудели, ладошки стерлись в кровь, а на душе была пустота.

- ВиктОр, - задумчиво произнесла я, рассматривая заколку.

- Чё? – встрепенулся Витька.

- Его будут звать ВиктОр. Моего капитана. А что - прекрасное имя...

- А-а-а, - протянул Витька, очищая лопату от комьев земли, - информация-то откуда была? - спросил он, рассматривая старинный медяк.

- Домовой показал, - вздохнула я, чувствуя себя полной дурой.

Я ожидала, что Витька засмеётся, покрутит пальцем у виска или вовсе стукнет. Но он серьёзно посмотрел на меня. Потом на куст бузины, за которым как раз проходил забор его участка, прищурил глаза, что-то там повыщеливался пальцами, а потом сказал:

- Так говоришь в районе дерева. Я вот чё, я это, когда забор-то ремонтировал, я заборчик-то сдвинул к себе чуток, а вы вот не заметили даже. Так, может, с моей стороны копнем завтра. Ты, главное, это, поточнее у него спроси сегодня, а.

В вечернем воздухе ясно отдавался каждый звук. Где-то завелся мотоцикл, фуры гудели на трассе, лаяли собаки. «Доча! Доча!» - звали хозяйки возвращающихся с пастбищ коров. В Правый поворот зашёл катер-бакенщик, ворчливо пыхтя – значит на всю ночь. **Я глянула на Витькин огород, больше напоминающий неподнятую целину, и спина моя заныла сильнее. Я собрала растрепавшиеся волосы, закрепила их заколкой, мечтая лишь об одном: чтобы сегодняшняя ночь прошла без снов.**

- ¹*Вьюшка* - пластинка из чугуна с отверстием, которое закрывается крышкой. Располагается в дымоходе, предназначена для регуляции подачи горячего воздуха в печи. Место в печной трубе, где расположенная вьюшка отделяет малая дверца;
- ²*Печная труба* – вертикальный канал для отвода продуктов горения и образования тяги;
- ³*Печурка* - углубление в конструкции русской печки, улучшающее теплообмен, используется для сушки вещей;
- ⁴*Подпечек* – углубление у основания печи для хранения и сушки дров.